

Русофобия – инструмент британской внешней политики*

XIX век – взгляд с позиций политического реализма

Никита Сетов
Андрей Топычканов

Британская русофобия

Изучение восприятия России в Британии имеет длительную историю.

События на Украине подогрели интерес научного сообщества к историческим практикам конкуренции мировых держав и позволили заговорить о возвращении реализма в международную политику [1]. Современный конфликт существенно отличается от конфликтов эпохи холодной войны.

Д.В.Тренин предложил сравнивать отношения России и Соединённых Штатов Америки с отношениям Российской и Британской империй в период «Большой игры» XIX в. [2]. Конкуренция двух империй в военной, экономической, политической сферах тогда опиралась на мощную идеологическую поддержку, предполагающую создание негативного образа соперника.

СЕТОВ Никита Романович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: nsetov@gmail.com

ТОПЫЧКАНОВ Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: topychkanov@gmail.com

Ключевые слова: Великобритания, XIX в., русофобия, международные отношения, политический реализм.

* Статья подготовлена по результатам участия авторов в издательском проекте: Русский вопрос в истории политики и мысли / под ред. А.Ю.Шутова и А.А.Ширинянца. М.: МГУ, 2013.

В историографии и общественном сознании утвердилось представление о том, что русофобия играла определяющую роль в восприятии России в Британии XIX в. [3].

Основания для такого представления действительно существуют. Россия и Британия на протяжении века довольно часто оказывались по разные стороны баррикад как в Европе, так и на Востоке. Представления о враждебности Британии складывались также под влиянием её участия во внутренней политике России, начиная с убийства императора Павла I и заканчивая участием в революции 1917 г. Несмотря на эти свидетельства, русофобия не могла полностью определять восприятие России в британском обществе. Сами британцы нередко выступали с критикой русофобских памфлетов и тех отрицательных стереотипов, которые в них воспроизводились*.

Как свидетельствует А.Н.Зашихин, в Британии существовали интерес к России и желание получить объективное представление о её внутренней и внешней политике, культуре и повседневной жизни [4].

Два взгляда, условно назовем их русофобским и объективным, присутствовали в сфере политики. Даже во время Крымской войны (1853–1856 гг.) и Русско-турецкой войны

(1877–1879 гг.), сопровождавшихся масштабной антирусской пропагандой, британское правительство и парламент часто не могли выработать единую позицию по отношению к Российской империи. Безусловно, это было связано с тем, что в Британии так и не сформировалось гомогенное имперское общество и ценности имперской политики были ближе лишь представителям высших и средних классов [5].

Антирусские настроения артикулировали преимущественно либералы, выражавшие интересы определённой части электората [6]. Партия вигов на выборах 1832 г. смогла преодолеть рубеж в 2/3 голосов (67,01%), а на остальных выборах, даже после объединения с радикалами и пилитами (умеренными консерваторами) в составе Либеральной партии (1859 г.), результаты либералов были скромнее. В сформированном в 1832 г. кабинете министров пост секретаря (министра) по иностранным делам занял лорд Пальмерстон, способствовавший радикализации британской внешней политики [7]. В отличие от антирусских памфлетов, ассоциирующихся с либеральными политическими взглядами, критика русофобии иногда подчеркнута называлась непартийной [8].

Русофобия и международные отношения

Британские антирусские тексты основное внимание уделяли международным отношениям, по-

скольку именно в этой сфере Британская и Российская империи в XIX в. контактировали больше всего. Рас-

* Ричард Кобден раскритиковал серию памфлетов Уркхарта первой половины 1830-х годов и соответствующую им внешнюю политику Британии (Russia / By a Manchester Manufacturer. L., 1836).

пространение русофобии имело несколько причин. И. Нойманн в исследовании «Использование “Другого”: Образы Востока в формировании европейских идентичностей» показал тесную связь представлений о себе и другом в государственном строительстве, или воображения нации (если использовать термин Б.Андерсона). Оппозиция «Я» – «Другой» активно использовалась и используется при конструировании государственной идентичности и репрезентации её как внутри страны, так и за её пределами [9]. Формирование положительной идентичности своей страны нередко шло по пути противопоставления «Я» и «Другого», что приводило к созданию негативной идентичности – отрицательного образа «Другого», который обеспечивал устойчивость «истинной» идентичности [10].

Примером такой негативной идентичности и является русофобия. Конфликт положительной и негативной идентичностей, в данном случае британской и российской, также можно рассматривать в качестве своеобразной замены военных конфликтов, которые, по наблюдениям Ч.Тилли, стимулировали формирование в Европе национальных государств [11].

Во внешней политике негативная идентичность служила актуализации угроз [12], что способствовало налаживанию отношений Британской империи с потенциальными союзниками. Подобное сближение «перед лицом общего врага» было характерно и для лидеров общественного мнения, нередко принадлежавших к разным политическим лагерям. Таким образом, нашли общий язык бо-

рец с чартизмом Д.Уркхарт (1805–1877 гг.) и К.Маркс (1818–1883 гг.), издавший в Британии ряд памфлетов против внешней политики Российской империи и кабинета Пальмерстона, якобы недостаточно радикального.

Восприятие союзниками Британской империи английских антироссийских памфлетов зависело прежде всего от характера союзнических отношений.

Здесь следует разделять, как и С.Уолт альянсы, созданные для поддержания баланса сил и идеологической солидарности, и практику следования «слабых» союзников за сильными государствами [13]. У сильных партнёров Британии, например Франции, существовали свои независимые традиции русофобии, которые успешно конкурировали с британской русофобией как внутри страны, так и за её пределами.

«Слабые государства» находились под значительным влиянием британской публицистики [14]. Британия была заинтересована в том, чтобы привлечь на свою сторону «потерпевших» от России, и активно пользовалась услугами политической эмиграции из России, польской «великой эмиграции» 1830–1870 гг., венгерской эмиграции и т.д. [15]. Их антироссийские выступления были более мотивированны.

Например, венгерский учёный и путешественник Арминий Вамбери (1832–1913 гг.) в молодости был свидетелем подавления Венгерской революции 1848–1849 гг., в котором участвовал русский экспедиционный корпус. Впоследствии Вамбери стал секретным британским агентом и тайным корреспондентом Министерства иностранных дел и по делам

Содружества Британской империи и создал серию антироссийских памфлетов [16].

В подобном сотрудничестве на почве русофобии была заинтересована не только Британия. По наблюдениям И. Нойманна, государства Центральной Европы использовали антироссийскую риторику для собственной идентификации [9].

Агенты британского влияния способствовали формированию на своей родине негативного образа России и её внешней политики. Таким образом, антироссийские выступления можно рассматривать как пример информационной войны, в которой, по наблюдениям К. Холсти, государство с помощью идеологии политизирует сознание своих граждан и союзников, формируя у них образ врага: «В войнах третьего типа смертельная игра ведётся в каждом

доме, церкви, государственном учреждении, школе, на каждом шоссе и в каждой деревне» [17]. Главным объектом воздействия в этой войне были члены парламента, правительства и сотрудники Форин-офиса. Зная, что последние руководствуются британским общественным мнением, собственными интересами в регионах и учитывают внешнюю политику великих держав, авторы памфлетов одновременно решали несколько задач:

- формировали общественное мнение, необходимое для принятия тех или иных внешнеполитических решений;
- изображали внешнюю политику России в выгодном для себя свете
- настаивали на том, что внешняя политика России угрожает британским интересам [18].

Инструменты влияния

Участники идеологической борьбы далеко не всегда догадывались о происходящем из-за того, что авторы антироссийских сочинений умело использовали весь арсенал инструментов влияния для воздействия на общественное мнение в целом и внешнеполитическое ведомство в частности. Рассмотрим эти приёмы, опираясь на работу Р. Чалдини «Психология влияния» [19]. Учёный выделил такие инструменты влияния, как навязывание стереотипных реакций, принципов взаимного обмена, требование последовательности и выполнения навязанных обязательств, создание ощущения дефицита и возможной потери, социальное доказательство, обеспечение доверия к агенту влияния с

помощью искусственно созданного ощущения благорасположения и авторитета.

Чтобы вызвать доверие читателей, авторы памфлетов позиционировали себя как непосредственных свидетелей внешнеполитических действий России.

Генерал Роберт Томас Уилсон (1777–1849 гг.) во время Отечественной войны 1812 г. находился при Главной квартире М. И. Кутузова, а затем при Александре I в качестве представителя английского командования.

Учёный и политик Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895 гг.) имел богатый опыт работы в Персии, Британской Индии и Османской Аравии, был директором Ост-Индской компании (1856–1858 гг.).

А. Вамбери приобрёл общеевропейскую известность, издав описание своего путеше-

ствия по Закавказью и Центральной Азии, совершённого в 1861–1864 гг.

Они подчёркивали достоверность, «объективность» своих данных и отсутствие личных интересов. В то же время немногие могли продемонстрировать хорошее знание источников по российской внешней политике. Уникальным преимуществом обладал Д. Уркхарт, использовавший подлинные дипломатические документы, которые ему предоставили польские эмигранты и британский посол в Турции Дж. Понсонби.

Авторы памфлетов сосредоточивали своё внимание на оценке российской угрозы для системы международных отношений. Они учитывали следующие параметры: физическую базу государства, потенциал проецирования силы (возможность оказывать влияние на определённом расстоянии), наступательную мощь (потенциал возможной атаки) и наступательные намерения [20]. Такой подход к оценке военно-политических рисков в традиции политического реализма известен как «функционалирование угроз» (*The Operation of Threats*). Иногда подобный анализ был завуалирован.

В «Очерке о военном и политическом могуществе России в 1817 году» (*A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817*. L., 1817) генерал Р. Т. Уилсон, беспристрастно на первый взгляд, рассказал о событиях, предшествующих Отечественной войне 1812 г., и самих военных операциях. Однако из дальнейшего становится ясно, что это описание и подробный разбор ошибок наполеоновской армии сделаны на тот случай, если Британия будет воевать с Россией [21].

Информативная насыщенность памфлетов должна была создать у

читателей впечатление, что в тексте собрана вся информация, необходимая для выработки и принятия внешнеполитических решений, которые на самом деле ему навязывались авторами.

Создатели памфлетов представляли британско-российскую конкуренцию в виде столкновения ценностных систем:

- Европа – Азия;
- цивилизованное государство – варварская/полуварварская страна;
- просвещение – необразованность;
- демократия/свобода – авторитаризм;
- независимость – зависимость;
- поведение в соответствии с принципами морали, чести и доблести – безнравственное поведение;
- где Запад олицетворял положительные ценности, а России – отрицательные [22].

Внешняя политика России несла угрозу не просто политическим и экономическим интересам Британии, но ценностям Запада и, соответственно, каждого представителя западной цивилизации.

Таким образом, сплочение европейского мира против России обосновывалось «идеологической солидарностью», т.е. сходством политико-культурных черт западных стран. Превратив «российскую угрозу» в дело каждого, памфлетисты использовали особенности контрастного восприятия, усиливающего различия противоположностей, и страх перед возможной утратой ценностных оснований и таким образом запускали в сознании читателей стереотипные негативные реакции [19].

Чтобы убедить в необходимости защиты западных ценностей, авторы требовали от Британии последовательности во внешней политике, демонстрировали выгоды этого, а также ожидаемые потери от внешнеполитических действий России, в частности, возможного завоевания ею Стамбула или продвижения в Центральной Азии. Чтобы альтернатива казалась ещё более наглядной, они предлагали детально представить развитие ситуации в будущем,

опираясь на «традиционную» внешнюю политику России [23].

В меньшей степени антироссийские сочинения могли использовать принцип социального доказательства. Однако Д. Уркхарт нашел способ использовать и этот инструмент влияния на общественное мнение, создав комитеты по иностранным делам для пропаганды радикального патриотизма среди рабочих, особенно накануне Крымской войны [23].

Заключение

Британские антироссийские сочинения, не будучи официальными изданиями, были тесно связаны с двумя центрами принятия внешнеполитических решений Британской империи. В парламенте и правительстве радикальные выступления поддерживали представители Либеральной партии (сначала виги, а с 1859 г. Либеральной партии). Форин-офис открыто поощрял наиболее популярных памфлетистов.

За книгу «Турция и её ресурсы» Уркхарту был предложен пост британского консула в Стамбуле, но он отказался, чтобы провести новую кампанию в поддержку Турции и через год выпустил памфлет «Англия, Франция, Россия и Турция», после чего был назначен секретарём британского посольства в Османской империи [24].

После первой публикации «Меморандума» (1868 г.) Роулинсон был назначен членом Совета Индии.

Однако активные антироссийские действия своих сотрудников, противоречившие нормам внешнеполитического ведомства, Форин-офис пресекал.

Так, в отставку были отправлены Уркхарт за попытку нарушить российское эмбарго на

международную торговлю вдоль восточного побережья Чёрного моря и доставить оружие черкесам и Чарльз Томас Марвин (1854–1890 гг.) за разглашение секретного договора с Россией.

Антироссийские сочинения одновременно решали несколько задач. С одной стороны, они служили конструированию британской идентичности и её репрезентации как внутри страны, так и за её пределами. С другой стороны, они актуализировали внешнеполитические угрозы, с тем чтобы подтолкнуть Британию к восстановлению баланса угроз, якобы нарушенного Россией. Памфлетисты пытались убедить читателей, что Британии это сделать сравнительно легко: «Лишь намекнув на оттоманский вопрос, затронуть чувствительные проблемы, и эта высокомерная держава мгновенно окажется на коленях». Одновременно предлагались, или, точнее, навязывались, конкретные внешнеполитические решения. Развиваемое в памфлетах противостояние «Я» – «Другой» одновременно должно было укрепить отношения Британской империи со своими союзниками.

В антироссийских сочинениях представлен весь арсенал инструментов психологического влияния, используемых для воздействия на британскую внешнюю политику. Успех подобных произведений измерялся степенью такого влияния.

Из перечисленных авторов наилучших результатов достиг Д. Уркхарт, который внёс заметный вклад в подготовку общественного мнения накануне Крымской войны, а также Роулинсон, который смог убедить британское правительство и парламент в необходимости политики интервенционизма, что привело к смене политики «искусного бездействия» в Центральной Азии на политику «дружеского вмешательства».

Можно заключить, что в XIX столетии, когда политический реализм ещё не существовал как целостный теоретико-методологический подход к анализу политики и международных отношений, британские политические деятели и публицисты активно использовали его различные элементы.

Для изучения международных отношений наибольший интерес представляет практика использования памфлетистами ценностных бинар-

ных оппозиций. Вызывая у читателя контрастное восприятие, авторы добивались максимальной поддержки своих взглядов. Значение этих оппозиций вышло далеко за рамки решения конкретных внешнеполитических задач. От издания к изданию антироссийские произведения, по сути, занимались пропагандой биполярной модели международных отношений.

Духовник Наполеона, аббат Доминик де Прадт, считал, что «Англия правит на море, Россия на земле: таково действительно разделение мира» [25]. Уркхарт подчёркивал, что «мастодонт сарматских степей» (Россия) стремится стать «Левиафаном морей Запада», т.е. занять место Британской империи.

Анализ различных систем международных отношений привёл К.Н. Уолца к убеждению, что биполярная система является наиболее стабильной [26]. Однако для памфлетистов XIX в. стабильность этой системы была обусловлена прежде всего самими дискурсивными практиками, в которых отношения двух империй выстраивались в логике бинарной оппозиции «Я» – «Другой».

Примечания

1. *Tsygankov A.P.* Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. N.Y.: Palgrave, 2009; *Maitra S.* U.S. Foreign Policy: Back to Realism // *International Affairs Review*. 2013. Jan. 13 // URL: <http://www.iar-gwu.org/node/453>; *Khoo N.* Is Realism Dead? Academic Myths and Asia's International Politics // *Orbis*. 2014. Vol. 58. Issue 2. P. 182–197.
2. *Тренин Д.* Украинский кризис и возобновление великодержавного соперничества. М.: Московский Центр Карнеги, 2014. (В печати).
3. *Gleason J.H.* The Genesis of Rusophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge: Harvard University Press, 1950; *Krauthelm H.-J.* Öffentliche Meinung und imperiale Politik: Das britische Russlandbild, 1815–1854. Berlin: Dunker und Humblot, 1977 et al.
4. *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в. Очерки. Архангельск: Изд-во Поморского межд. пед. ун-та, 1994.

5. Porter B. *The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society, and Culture in Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
6. Jonathan P. *The Politics of Patriotism: English Liberalism, National Identity and Europe, 1830–1886*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
7. Webster C.K. *The Foreign Policy of Palmerston, 1830–1841: Britain, the Liberal Movement, and the Easter Question*. In 2 vol. N.Y.: Humanities Press, 1969; Taylor A. *Palmerston and Radicalism, 1847–1865* // *Journal of British Studies*. 1994. Vol. 33. №. 2. P. 157–179; Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // *Новая и новейшая история*. 2006. № 5. С. 182–209.
8. Bryant W.C. *Advertisement* // Cobden R. *The Political Writing*. Vol. 1. L.; N.Y.: D. Appleton, 1867. P. 158.
9. Нойманн И.Б. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое изд-во, 2004. Гл. 5.
10. Connolly W.E. *Identity\Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox*. Expanded Edition. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1991. P. 64–68.
11. Tilly C. *War Making and State Making as Organised Crime* // *Bringing the State Back in* / ed. P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–191.
12. Campbell D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Rev. Ed. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
13. Walt S.M. *Alliance Formation and the Balance of World Power* // *International Security*. 1985. Vol. 9. № 4. P. 4; Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W.W. Norton, 2001.
14. Barratt G. *Russophobia in New Zealand, 1838–1908*. Palmerston North (New Zealand): Dunmore Press, 1981; Barratt G. *Russian Shadows on the British North-west Coast of North America, 1810–1890: A Study of the Rejection of Defence Responsibilities*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983; Каремаа О. Русофобия в Финляндии 1917–1923 гг. // *Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. Материалы российско-финляндских симпозиумов историков, Санкт-Петербург, февраль 1999 г.; Хельсинки, май 2001 г.; Санкт-Петербург, сентябрь 2004 г.* М.: ИРИ РАН, 2006. С. 212–220.
15. Brock P. *Polish Democrats and English Radicals, 1832–1862: A Chapter in the History of Anglo-Polish Relations* // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25. № 2. P. 139–156; *From the other Shore: Russian Political Emigrants in Britain 1880–1917* / Ed. J. Slatter. L.: Frank Cass, 1984; Miller M. *The Russian Revolutionary Emigres 1825–1870*. Baltimore; L.: The John Hopkins University Press, 1986; Романюк С.К. «Русский» Лондон. М.: ACT, 2009.
16. Bartholoma R. *Von Zentralasien nach Windsor Castle. Leben und Werk des ungarischen Orientalisten Arminius Vambery (1832–1913)*. Wurzburg: Ergon, 2006.
17. Holsti K.J. *The State, War, and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 39.
18. Taylor A.J.P. *The Trouble Makers: Dissent over Foreign Policy, 1792–1939*. L.: Hamish Hamilton, 1957.
19. Чалдини Р. *Психология влияния*. М.: Питер, 2012. Гл. 1.
20. Buzan B. *People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Dorchester: Pearson-Longman, 1991. P. 134.
21. Орлов А.А. «Английский обер-шпион» или «солдат удачи»: оценка деятельности и личности генерала Р.Т.Вильсона в русской и англоязычной историографии // *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов / ред.-сост. В.М.Безотосный*. М.: Гос. ист. музей, 2005. Т. 4. С. 272–286.
22. Сауд Э.В. *Ориентализм: Западные концепции Востока*. СПб.: Русский мир, 2006. С. 99, 104, 105, 107, 108, 116, 127–128, 194, 208.

23. *Taylor M.* The Old Radicalism and the New: David Urquhart and the Politics of Opposition // *Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organized Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914* / ed. E.F.Biagini, A.J.Reid. N.Y.: Cambridge University Press, 1991. P. 23–43.
24. *Lamb M.* The Making of a Rusophobe: David Urquhart – The Formative Years, 1825–1835 // *The International History Review*. 1981. Vol. III. № 3. P. 330–357.
25. *Pradt D.* de. Du systeme permanent de l'Europe a l'egard de la Russie et des affaires de l'Orient. Paris: Pichon et Didier, 1828. S. 1.
26. *Линклейтер Э.* Неореализм в теории и на практике // *Теория международных отношений на рубеже столетий* / под. ред. К.Буса и С.Смита; общ. ред. и предисл. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 255.

**Подписка на 2014 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год